

— Старый евнух?! — уголок рта Е Мянэ дернулся, и он с сомнением спросил: — Откуда у Старого евнуха такие драгоценности, да еще и мне в подарок?

Чжуан Сюй хмыкнул и равнодушно бросил:

— Если не он, то неужели я? Ты мне даже не нравишься.

Не успел Е Мянэ и слова вставить, как Чжуан Сюй резко поднялся и, глядя на него сверху вниз, произнес:

— У меня еще есть дела, так что я пойду. Передай Е Цзиню: я прекрасно понял, что он имел в виду. Однако больше всего на свете я ненавижу угрозы. Если он решит отравить мне жизнь, то и его собственная сладкой не покажется.

Напугают ли угрозы Князя Жуннаня его старшего брата, Е Мянэ не знал, но в душе уже смутно раскаивался, что втянул во все это Е Цзина. Подумаешь, пустяковая размолвка с однокашником в академии! А он повел себя как глупый ребенок: не справился сам — побежал жаловаться старшим. И ведь даже не подумал о том, что его противник тоже далеко не прост.

Вечером Е Мянэ постарался как можно мягче передать слова Чжуан Сюя брату. Лицо Е Цзина не изменилось, он лишь обронил короткое «пустяки». От этого Е Мянэ встревожился еще сильнее. Его брат с самого рождения был баловнем судьбы и никогда ни в чем не уступал другим. Иначе как бы он в столь молодые годы, опираясь лишь на поддержку усадьбы заместителя министра финансов, сумел стать приближенным самого Императора?

То, что эти двое сошлись в противостоянии, было целиком и полностью его виной.

Е Мянэ было не по себе, он тайно корил себя и твердо решил, что о его дразнках с Чжуан Сюем брат больше никогда не должен узнать.

Когда Летняя охота подошла к концу и императорский кортеж тронулся обратно в столицу, Вэй Анъюань, заметив, что Е Мянэ не в духе, придержал коня и пристроился к нему в самый хвост колонны. Они не спеша поехали бок о бок.

Стояло жаркое лето, солнце немилосердно пекло, в траве у обочины дороги слитно стрекотали цикады. Е Мянэ от нечего делать лениво стегал заросли плетеным из серебряных нитей кнутом.

— Всё ещё расстроен из-за истории с сопровождающим в учебе? — спросил его Вэй Анъюань.

Е Мянэ покачал головой:

— Брат сказал, что уладит это и откажется от предложения.

Вэй Анъюань, однако, возразил:

— Твой брат опоздал. Отец рассказывал, что сегодня утром великий ученый из Академии Ханьлинь лично рекомендовал своего младшего сына в сопровождающие Седьмому принцу. Благородная супруга Цзя осталась очень довольна. Как вернемся в столицу, дня через два выйдет указ.

— Хм?

Е Мянэ удивленно приподнял брови. С чего бы это? Еще пару дней назад Благородная супруга

Цзя расхваливала его перед Императором так, будто он был лучшим юношей в Поднебесной, и твердила, что ей нужен только он.

Вэй Анъюань вздохнул:

— Князь Жуннань неизвестно где раздобыл образцы твоего почерка и показал их Императору.

Рука Е Мяня, заносившая кнут, замерла.

Вэй Анъюань продолжил:

— Ты ведь и сам знаешь, что Император — признанный мастер каллиграфии. Он придает почерку огромное значение и верит, что по нему можно судить о человеке. Если в докладах чиновников ему не нравится хоть одна буква, он швыряет бумагу обратно и велит переписывать.

Е Мянь стиснул зубы:

— Чжуан Сюй, паршивец!

— Увидев твои каракули, Император, разумеется, пришел в крайнее недовольство и даже небывалым образом выговорил братцу Цзину. Но кто же знал, что этот Чжуан Сюй примет сторону твоего брата! Он заступился за него, сказав, что из-за крайней занятости на службе у того просто нет времени следить за учебой младшего брата.

— И чего он добивается? — Е Мянь натянул поводья, почувяв ненадлежащее.

— Князь Жуннань заявил, что раз уж вы учитесь в одном дворе, ему будет удобно приглядывать за тобой. Он вызвался лично обучать тебя письму, а когда ты преуспеешь в этом деле, тебя можно будет отправить к Седьмому принцу в сопровождающие. И Император согласился.

Е Мянь поднял глаза к небу. Солнце сияло ослепительно и жарко. Не хватало только раската грома среди ясного неба, чтобы завершить эту картину.

— Впрочем, — Вэй Анъюань усмехнулся и сменил тон, — Благородная супруга Цзя сейчас злитесь куда сильнее твоего. Ты ей действительно пришелся по душе, но, как бы сильно ты ей ни нравился, она ни за что не подпустит к своему младшему сыну ученика, которого лично наставлял Князь Жуннань.

Е Мянь опешил. Об этом-то он и не подумал! Князь Жуннань и Благородная супруга Цзя вели непримиримую борьбу не на жизнь, а на смерть. Если Чжуан Сюй и вправду будет какое-то время учить его, Благородная супруга Цзя ни за что ему не доверится.

Е Мянь горько усмехнулся. Из волчьего логова он выбрался, но тут же угодил в тигриную пасть. Когда в следующий раз брат соберется взять его с собой, надо будет обязательно зайти в какой-нибудь храм и совершить подношение богам.

Они вернулись в усадьбу перед самым закатом. Старшего брата заместитель министра Е спешно вызвал к себе в кабинет. Самого же Е Мяня во дворе Баофэн уже поджидала госпожа Цю. Она дважды осмотрела сына с головы до ног и, убедившись, что тот не ушибся, не поранился и даже волоска с его головы не упало, с улыбкой велела щедро одарить Фэнцзиня.

Е Мянь впервые уехал из дома на столь долгий срок, да еще и без привычных слуг рядом. И

хоть старший сын тоже был там, он не мог приглядывать за ним ежеминутно. Все эти дни сердце госпожи Цю было не на месте. Там ведь кони, стрелы, а ее Мян-эр куда шаловливее остальных детей — вдруг поранится, что тогда делать?

Чем больше госпожа Цю думала об этом, тем сильнее пугалась. По ночам она не могла уснуть, ворочаясь с боку на бок, из-за чего заместитель министра Е тоже лишился сна. Когда он в сердцах выразил недовольство, госпожа Цю, и без того изнывавшая от тревоги за сына, вспыхнула как порох. Она резко села в постели и принялась осыпать его упреками: мол, он только и думает целыми днями о чинах и повышениях, а жив ли его ребенок — ему и дела нет. В довершение всего она выставила мужа за дверь, отправив спать к наложницам.

Заместитель министра Е, которого ни с того ни с сего отчитали самым неподобающим образом, тоже ужасно разозлился. Посреди ночи он, яростно взмахнув рукавами, покинул главный двор.

Е Цзяо был несказанно рад возвращению Е Мян и без конца расспрашивал его об императорской охоте. Е Мян терпеливо отвечал на все его вопросы. Четвертая наложница собственноручно приготовила на своей кухоньке несколько блюд и велела отнести их мальчикам. Е Мян и Е Цзяо вместе поужинали, после чего Е Мян пораньше прибрался и лег спать.

За эти дни, проведенные в лесах и горах, Е Мян действительно изрядно вымотался. Однако в его годы сил было хоть отбавляй, так что после ночи крепкого сна без сновидений наутро он снова был бодр и полон жизни.

Табличка для двора Цижуи была уже готова и действительно оказалась на порядок больше таблички двора Цинань. Вот только повесили ее не выше соседской, а в один ряд с ней. Рядом они смотрелись на редкость комично, и Е Мян какое-то время с улыбкой разглядывал их.

Войдя в учебный класс, Е Мян обнаружил, что молодые господа двора Цижуи впервые в жизни собрались так рано и в полном составе. Они сидели за своими столами, перемигивались, потирали руки и глупо хихикали.

Е Мян прекрасно понимал причину их оживления — честно говоря, ему и самому было страшно любопытно.

Сегодня до полудня им предстояло постичь законы «соития инь и ян». В Великой Вэнь накануне свадьбы мать обычно доставала для дочери припрятанные на дне сундука картинки и наставляла ее в делах супружеского ложа. Мужчинам же подобное не позволялось, а обучение сына отцом и вовсе считалось осквернением приличий. Поэтому сыновей благородных семейств просвещали специально приглашенные наставники.

Большинству учеников ступени Ци в Императорской академии Гоцзысюэ, как и Е Мян, исполнилось тринадцать лет, тем, кто постарше — четырнадцать-пятнадцать. Некоторым из них старшие уже приставили к постели служанок для подобных утех, так что в разговорах с глазу на глаз они уже успели кое-чем поделиться друг с другом.

Даже во дворе Цинань прознали, что у двора Цижуи утром будет это занятие. Несколько тамошних учеников облепили их окна и никак не хотели уходить, наказывая обязательно срисовать для них что-нибудь интересное, если покажут хорошие вещицы. Ребята из двора Цижуи, густо покраснев, с раздражением прогнали их прочь.

— Проваливайте! Через пару дней и до вашего двора очередь дойдет, чего раскричались?

Едва дождавшись второго удара колокола, они увидели вошедшего учителя. В классе воцарилась странная атмосфера. Учитель, впрочем, ничуть не удивился. Он лишь добродушно усмехнулся и велел помощнику раздать ученикам учебные пособия.

Хоть в прошлой жизни Е Мян и был нецелованным девственником, в эпоху бурного развития интернета он успел повидать всякое. Однако то было в тишине собственной комнаты под покровом тайны. Изучать подобное прилюдно ему приходилось впервые. Внешне он оставался невозмутим, но внутри сгорал от стыда даже сильнее остальных, неосознанно ковыряя пальцем край стола.

Наставник выглядел довольно молодо, у него еще не росла борода. Чистоплечный и опрятный, он с абсолютно невозмутимым видом вещал о законах природы, правилах приличия и соитии инь и ян между мужчиной и женщиной.

Дойдя до самого важного, он велел им открыть розданные эротические свитки. Эти «учебные» картинки оказались куда более будоражащими, чем те «эстетические» рисунки, которые втайне показывал им Ли Чжао. Разнообразие поз впечатляло, да и нарисованы они были во всех деталях. Е Мян лишь мельком взглянул на них и сразу отвел глаза. Сидевшие рядом Ли Чжао и Жуань Юньшэн слегка порозовели и смущенно переглядывались.

В учебном классе двора Цижуй то и дело слышалось неловкое покашливание. Наставник лишь посмеивался:

— Небо укрывает землю, во Вселенной царит порядок, а супружеская близость — естественный закон бытия. Не стоит стыдиться и скромничать.

За это утро Е Мян действительно расширил свой кругозор. Свитки с весенними картинками, монеты с изображением тайных ласк, расписные фарфоровые фигурки и даже пара забавных вещиц с хитрыми механизмами — все это заставило Е Мян мысленно ахнуть от удивления. Вещицы были тончайшей работы. Неудивительно, что ребята из двора Цинань так упрашивали поделиться!

<http://bllate.org/book/18289/1753867>